- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА -

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.08.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-7-29-36

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
e-mail: grudtsina@norma-prava.com

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ

Аннотация. *В статье автор анализирует феномен «цифровых прав человека» как нового поколения прав и свобод. Цифровые права формируются на стыке конституционных гарантий (частная жизнь, свобода выражения мнения, равенство), наднациональных стандартов (ЕКПЧ, Хартия ЕС, Конвенция Совета Европы 108+) и отраслевых режимов защиты данных, кибербезопасности и платформенного регулирования (GDPR, DSA/DMA, национальные законы США, Бразилии, Индии, Китая и др.). Особое внимание в статье уделяется влиянию искусственного интеллекта на структуру и баланс прав: автоматизированные решения, дискриминационные риски, объяснимость и оспоримость, метагарантии доверия. На материале доктринальных подходов (Дж. Балкин, Ж. Коэн, Л. Флориди, М. Хильдебрандт, П. Немиц; И.Л. Бачило, В.А. Копылов и др.) автор статьи анализирует модели понимания цифровых прав: как «нового поколения» и как «цифровых проекций» классических прав. Сформулированы предложения по развитию российского законодательства с учётом зарубежного положительного опыта и возможности его рецепции в российское законодательство.*

Ключевые слова: *цифровые права человека; персональные данные; автоматизированные решения; свобода выражения; недискриминация; платформенное регулирование; искусственный интеллект; цифровая трансформация.*

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Moscow City Bar Association "Norm of Law",
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)",
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

DIGITAL HUMAN RIGHTS: A NEW GENERATION OF RIGHTS

Annotation. *In the article, the author analyzes the phenomenon of "digital human rights" as a new generation of rights and freedoms. Digital rights are formed at the intersection of constitutional guarantees (privacy, freedom of expression, equality), supranational standards (ECHR, EU Charter, Council of Europe Convention 108 +) and sectoral data protection, cybersecurity and platform regulation regimes (GDPR, DSA/DMA, national laws of the USA, Brazil, India, China, etc.). The article pays special attention to the influence of artificial intelligence on the structure and balance of rights: automated decisions, discriminatory risks, explainability and contestability, metagaranties of trust. Based on the material of doctrinal approaches (J. Balkin, J. Cohen, L. Floridi, M. Hildebrandt, P. Nemitz; I.L. Bachilo, V.A. Kopylov and others) the author of the article analyzes models of understanding digital rights: as a "new generation" and as "digital projections" of classical rights. Proposals have been formulated for the development of Russian legislation, taking into account foreign positive experience and the possibility of its reception in Russian legislation.*

Key words: *digital human rights; personal data; automated solutions; freedom of expression; non-discrimination; platform regulation; artificial intelligence; digital transformation.*

Интенсивная цифровизация общественных отношений и широкое внедрение ИИ радикально увеличили объём и скорость обработки данных, изменили медиальную среду и контуры публичной и частной автономии личности. В результате классические права и свободы человека [1] получают новые «цифровые» измерения — от защиты персональных данных и приватности коммуникаций до прозрачности алгоритмов, права на переносимость данных и справедливого обращения в условиях платформенной экономики.

В научной дискуссии усилилась тенденция рассматривать цифровые права как «четвёртое поколение» прав человека, хотя часть авторов убеждена, что речь идёт о переформатировании традиционных прав в новых технологических контекстах [2]. В этой связи цель настоящей статьи - изложить правовую картину цифровых прав, охарактеризовать роль ИИ в трансформации гарантий, систематизировать доктринальные подходы, проанализировать некоторые научные подходы [3] и выработать предложения для российского права [4].

Как верно пишут Р.А. Клычев и А.В. Манкиева, «современной научной мысли важно учитывать не только «классический» набор прав и свобод (гражданские и политические), но и новые поколения прав человека – социально-экономические, коллективные, экологические, информационные. Именно последний вид прав становится всё более актуальным в эпоху цифровых технологий» [5]. С ростом интернет-коммуникаций возникает феномен цифровой анонимности, который, по мнению Н.В. Варламовой [6], «представляет собой новую форму реализации права на неприкосновенность частной жизни, требующую особых механизмов правовой защиты» позволяющей пользователям скрывать свою личность при взаимодействии в сети. С одной стороны, анонимность представляет собой механизм защиты права на личную жизнь и свободу высказываний, особенно в обществах с высокой степенью цензуры. С другой стороны, анонимность порождает и целый ряд рисков, включая распространение клеветы, экстремистской информации и преступных действий в «тёмном» сегменте интернета.

Правовое регулирование цифровой анонимности должно балансировать между необходимостью защиты личных данных и обеспечением прозрачности взаимодействий в сети. Так, в ряде стран (например, в Германии, Франции) введены законы, обязывающие операторов и интернет-провайдеров идентифицировать пользователей при совершении определённых действий (финансовые операции, государственные услуги). При этом современные исследователи отмечают сложную двойственную природу данного явления. В частности, М.А. Грачева указывает, что «защита персональных данных в цифровую эпоху требует комплексного подхода, учитывающего как технологические особенности обработки информации, так и фундаментальные права человека» [7].

Понятие «цифровые права человека» многослойно. В узком смысле — это новые или модифицированные гарантии, обеспечивающие цифровую автономию личности (защита данных, сетевой доступ, цифровая идентичность, защита от автоматизированной дискриминации, алгоритмическая прозрачность). В широком смысле — это совокупность всех конституционных прав в их цифровых проекциях (privacy-by-design как элемент частной жизни; плюрализм и прозрачность рекомендательных систем как условие свободы выражения; недискриминация в алгоритмических решениях и др.).

Важно отличать «цифровые права человека» от закреплённых в российском гражданском праве «цифровых прав» (ст. 141.1 ГК РФ), которые относятся к имущественным правам в форме записи в информационной системе (токенправа) и не совпадают по предмету регулирования с правами человека.

Рассмотрим международные правовые стандарты цифровых прав человека. На международном уровне систему международных правовых стандартов прав и свобод человека составляют: Всеобщая декларация прав человека и МПГПП заложили фундаментальные свободы, которые в цифровую эпоху детализируются через практику Европейского Суда по правам человека [8] (далее – ЕСПЧ) и региональные документы. Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» [9] (Конвенция 108, протокол CETS 223 — «108+») формирует наднациональные стандарты защиты данных.

Европейский союз развил комплексную экосистему: Общий регламент по защите данных (GDPR) [10] закрепил расширенный набор прав субъекта данных (доступ, исправление, стирание, ограничение обработки, переносимость, возражение), принципы законности, минимизации и отчётности, а также оценку воздействия (DPIA) и «privacy by design». Пакет DSA/DMA установил правила платформенной ответственности и прозрачности, включая риско-ориентированное управление для очень крупных онлайн-платформ, механизмы аудита, доступ исследователей к данным и информирование о логике рекомендаций. Регламенты NIS2 и ePrivacy (в части действующих правил ePrivacy) усиливают безопасность и кон-

фиденциальность электронных коммуникаций. Принятый в ЕС риск-ориентированный акт об ИИ вводит запреты на социальное скорингование, жёсткие требования к высокорисковым системам и обязательства по маркировке «синтетического контента». Сравнительное поле дополняют: Бразилия (LGPD), США (штатные законы о приватности — CCPA/CPRA, CPA штата Колорадо и др.), Индия (DPDP Act), Китай (PIPL), региональные акты Латинской Америки и Африки. В сфере soft law значимы Принципы ОЭСР по ИИ, Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ и Руководящие принципы ООН по бизнесу и правам человека.

Конституция РФ закрепляет неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и свободу выражения (ст. 23-24, 29), что образует основу «цифровых» гарантий. Ключевыми отраслевыми актами являются: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О персональных данных» [11], Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12], законодательство о связи и критической информационной инфраструктуре. Развиваются механизмы локализации данных, режим «права на забвение» в поисковых сервисах, порядок биометрической идентификации, электронное взаимодействие граждан с государством. Одновременно встают вопросы баланса публичных интересов и прав личности в условиях оперативно-розыскной деятельности, регулирования контента и трансграничных потоков данных. Для ИИ сформированы стратегические и экспериментальные режимы в рамках регулирования «песочниц», однако полноценная модель прав человека в контексте алгоритмических решений требует дальнейшей детализации.

Классификацию цифровых прав можно представить следующим образом:

[1] Право на защиту данных и приватность в цифровой среде (принципы минимизации, целевого ограничения, прозрачности; DPIA; «privacy by design»).

[2] Свобода выражения и доступ к информации в условиях платформенных посредников (прозрачность модерации, объяснимость рекомендаций, право на эффективное обжалование).

[3] Право на недискриминацию и равенство при автоматизированной обработке (запрет сегрегационных практик, тесты на смещения, алгоритмический аудит).

[4] Право на процессуальные гарантии в отношении автоматизированных решений: уведомление об участии алгоритмов, право на человеческое вмешательство, объяснимость и оспоримость.

[5] Право на переносимость данных и контроль над цифровой идентичностью (включая стандарты совместимости и интероперабельности).

[6] Право на безопасность цифровой среды (кибербезопасность как условие осуществления иных прав) и на эффективные средства правовой защиты.

[7] Права ребёнка онлайн (age-appropriate design, запрет манипулятивных интерфейсов, особая защита персональных данных несовершеннолетних).

В российской юридической науке есть и иные точки зрения. Например, по мнению И.В. Понкина, цифровые права могут быть классифицированы на цифровые права человека и цифровые права электронных лиц. При этом цифровые права человека раскрываются через реализацию прав граждан на доступ и пользование цифровыми ресурсами, на совершение сделок с использованием цифровых способов и др [13]. Также С.Р. Решетняк выделяет следующие виды цифровых прав: цифровое (виртуальное) имущество, цифровые активы, смарт-контракты, цифровые услуги [14].

ИИ ускоряет принятие решений и расширяет возможности персонализации, но создаёт новые риски: непрозрачность («чёрный ящик»), системная предвзятость, «функциональный слом» презумпции невиновности и принципа автономии в административных процедурах, манипулятивные интерфейсы и эксплойт уязвимостей. Для защиты прав человека необходимы: (а) регистрация факта участия ИИ; (б) права на объяснимость и оспаривание; (в) независимый аудит и оценка воздействия; (г) ограничения для высокорисковых сценариев (биометрическая идентификация в реальном времени в публичных местах, социальное рейтингование); (д) маркировка синтетического контента и механизмы подлинности цифровых следов.

Отдельно следует проанализировать доктринальные подходы к пониманию правовой природы цифровых прав человека.

«Континуитет» (continuity) - цифровые права как проекции классических прав. Дж. Балкин развивает идею «информационных фидуциариев»: крупные платформы несут повышенные обязанности лояльности и аккуратности по отношению к пользователям, что расширяет рамки частноправовой ответственности. Ж. Коэн показывает, что приватность - не только контроль над данными, но и условие демократической субъектности в эпоху наблюдаемого капитализма.

«Новые права» - подход, трактующий цифровые права как качественно новое поколение гарантий: право на сетевую соприсутствие и доступ, право на объяснение алгоритмических решений, право на справедливые интерфейсы (fair design). Здесь важны научные работы:

– Мireи Хильдебрандт [15] о «компьютируемом праве» и процедурной справедливости [16]: нидерландский профессор предлагает определять «компьютируемое право» как «машинный интеллект», радикально отличающийся от человеческого интеллекта. Именно человеческий интеллект является «глубоко искусственным», а машинный интеллект – «просто автоматизированным». Автор также утверждает, что правильное понимание «способа существования» машинного интеллекта станет одной из главных проблем для ЕС в 2020-е гг. «Если все будет сделано правильно, то мы сможем избежать как информационного капитализма, так и государственного надзора… Избегая ловушек алгоритмической сверхдетерминации, законодательство ЕС должно держать наше будущее открытым таким образом, чтобы оно давало нам силы, а не рассматривало нас как манипулируемые пешки», – полагает М. Хильдебрандт [17]. Рассматривая далее природу машинного интеллекта, М. Хильдебрандт подчеркивает, что крайне важно признать умные технологии «агентством» («agency»), способным воздействовать на этот мир.
– Машины, способные к автоматическим выводам (ИИ), имеют особый тип управления – «управление данными и кодом». Если люди воспринимают цвет, звук, контуры, запахи, вкусы, прикосновения и в то же время наше восприятие всегда опосредовано языком и интерпретацией, то машины ИИ могут воспринимать это только как данные. Это подразумевает среду, состоящую из данных, и их передачу, например, онлайн-среду, виртуальную реальность или среду Интернета вещей. Машины искусственного интеллекта управляются кодом. Чтобы сделать выводы, эти машины требуют кода, например, основанного на исследованиях машинного обучения, которые стремятся сжать большие данные в математическую функцию, так называемую целевую функцию, которая определяет данные с учетом конкретной машиночитаемой задачи. Это, в свою очередь, требует разработки так называемого «пространства гипотез», состоящего из потенциально релевантных математических функций. Эти функции служат гипотезами для так называемой целевой функции, которая предположительно лежит в основе закономерностей внешнего, внутреннего или общего мира [18];
– Лучано Флориди о «инфосфере» и онтологической защите личности в цифровой среде [19]. Л. Флориди переосмыслил понятие «инфосфера» [20] на основе биосферы. Так он обозначил всю информационную среду, состоящую из всех информационных объектов (включая информационных агентов), их свойств, взаимодействий, процессов и взаимоотношений. Для Л. Флориди инфосфера - это среда, сравнимая с киберпространством, но отличная от него, поскольку она также включает в себя автономные и аналоговые информационные пространства;
– Пола Немица о конституционализации цифрового пространства. Согласно его концепции о «конституционной демократии в цифровом пространстве», цифровая сфера и ИИ должны подчиняться конституционным принципам (права человека, верховенство права и демократия) и воплощать их «by design», а именно:
– Приоритет права над технологией и этикой. Нужны не только кодексы этики, а юридически обязательные нормы, которые обеспечивают подотчётность цифровых платформ и систем ИИ и встраивают в них права человека, демократию и верховенство права «по умолчанию».
– Четыре опоры цифровой власти, требующие правового ответа: (1) деньги/влияние; (2) контроль инфраструктур публичного дискурса; (3) сбор и профилирование персональных данных; (4) доминирование в ресурсах и разработках ИИ («чёрные ящики»). Эти факторы в сумме угрожают демократии и рынкам [21].
– Трёхуровневая «технологическая оценка воздействия» (impact assessment) для новых технологий (включая ИИ) — как практический инструмент конституционализации: что можно оставить этике, а что обязательно должно регулироваться правом и применяться принудительно.
– Продолжение в более широкой рамке «цифрового конституционализма» Европы. Идеи Немица хорошо ложатся на курс ЕС: GDPR, DSA/DMA и риск-ориентированное регулирование ИИ как институционализация процессуальных прав пользователей и подотчётности платформ [22].

Основы отечественного информационного права и категоризации информационных отношений заложили И.Л. Бачило и В.А. Копылов. И.Л. Бачило настаивала на признании информационного права в России как самостоятельной отрасли, регулирующей отношения в информационной сфере на всех стадиях жизненного цикла информации (создание, сбор, обработка, распро-

странение, доступ), с опорой на межотраслевой инструментарий, но с собственной системой институтов [23]. В ее учебниках и научных работах подробно раскрываются институты правового режима информации и информационных ресурсов, прав и обязанностей субъектов, публичных информационных систем и сервисов, а также механизмы открытости и доступа к информации органов власти (в том числе как условие становления гражданского общества) [24]. В.А. Копылов одним из первых дал развернутое описание информационного права как новой комплексной (межотраслевой) области [25], фиксируя, что оно регулирует информационные отношения в широкой «информационной сфере» [26].

Опыт Европейского Союза демонстрирует переход к модельному регулированию платформ с фокусом на системные риски, прозрачность алгоритмов и процедурные права пользователей (уведомление о модерации, право на обжалование, объяснимость рекомендаций, аудит очень крупных платформ). Эти элементы усиливают реалистичность осуществления свободы выражения и права на информацию в онлайне. В публичном секторе развивается практика оценок воздействия на права человека и алгоритмических оценок воздействия (AIA) перед внедрением систем принятия решений, что формирует «процессуальный каркас» цифровых прав.

Российское законодательство, на наш взгляд, может заимствовать положительный зарубежный опыт, в частности:

1) Риско-ориентированная модель для ИИ (по образцу акта ЕС): запреты для социального скоринга, повышенные требования к высокорисковым системам, обязательная маркировка синтетического контента, реестр систем в госсекторе.
2) Процессуальные права пользователя платформ: прозрачность модерации, объяснимость рекомендаций, доступ к механизмам обжалования и независимому разрешению споров; обязательства по доступу исследователей к данным в общественных интересах при надлежащих гарантиях.
3) Усиление режима персональных данных: переносимость, DPIA, «privacy by design/by default», права детей онлайн (age-appropriate design).
4) Алгоритмический аудит и сертификация: независимая оценка смещений, устойчивости и безопасности, публичные отчёты об ответственности (accountability reports).
5) Обязательная регистрация автоматизированных решений в госсекторе и право гражданина на человеческое вмешательство и объяснение.
6) Механизмы коллективной защиты прав (class/collective actions) и эффективные компенсации при нарушениях цифровых прав.
7) Межотраслевые стандарты интероперабельности и переносимости как стимул конкуренции и средство предотвращения «запирания» пользователей.

Импорт зарубежных моделей требует учёта национальных конституционных основ и институциональной готовности: независимость и ресурсы надзорных органов, правовая определённость для бизнеса, стандарты правоприменения и судебная практика. Важно избегать как гиперрегуляции, подавляющей инновации, так и формальной транспозиции без реальных механизмов исполнения. Эффективность цифровых прав обеспечивается сочетанием жёстких обязательств, soft law, отраслевых стандартов, просвещения и процедурной справедливости.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы:

1) Концепция «цифровых прав человека» в настоящее время находится на этапе ее формирования и осмысления, выработки научным сообществом подходов и понимания ее места и роли в классической концепции прав и свобод человека и гражданина, более того, данная концепция оправданна как некая аналитическая рамка: она делает видимыми новые риски и механизмы защиты, но в своей основе (фундаменте) опирается на классические конституционные гарантии.
2) Наиболее устойчивую правовую модель цифровых прав человека формируют процедурные и организационные метагарантии: оценка воздействия, алгоритмический аудит, объяснимость и право на оспаривание.
3) ИИ усиливает потребность в «праве на человеческое вмешательство» и контестуемости автоматизированных решений; предиктивные системы в зонах высокого риска должны подчиняться строгому режиму.
4) Платформенное регулирование должно сочетать прозрачность и ответственность с сохранением свободы выражения и конкуренции; доступ исследователей к данным является элементом общественного контроля.
5) Для России приоритетны, на наш взгляд, обновление режима персональных данных (переносимость, DPIA, защита детей), внедрение реестра автоматизированных решений в государственном секторе (что уже происходит) и институтов коллективной защиты.

6) Разграничение «цифровых прав человека» и «цифровых прав» в гражданско-правовом смысле (ст. 141.1 ГК РФ) необходимо для точного построения норм и избежания концептуальной путаницы.
7) Эффективность новых гарантий возможна только при институциональной независимости регуляторов и предсказуемой судебной практике; без этого нормы так и останутся декларативными.
8) Образовательные и этические компоненты (digital literacy, «fair design») - не факультативное дополнение, а структурная важная часть охраны цифровых прав человека в современном мире.

Список литературы:

[1] Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. Учебник. – М.: Эксмо, 2006. 445 с.

[2] См., например: Жарова А.К. Правовая защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Юрист. 2023. № 3. С. 34-42; Полякова Т.А. Трансформация системы информационного права в условиях цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 69-79; Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 122–146.

[3] Казакевич Е.И., Губин Е.П. Защита прав и свобод человека при обработке персональных данных в период цифровой трансформации // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 4 (21). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-isvobod-cheloveka-pri-obrabotke-personalnyh-dannyh-v-period-tsifrovoy-transformatsii (Дата обращения: 15.08.2025); Мираев А.Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. 2019. № 5. // URL: https://cyberlenmka.m/artide/n/ponyatie-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoy-federatsii-i-evropeyskom-soyuze (Дата обращения: 15.08.2025).

[4] Аджиева З.И., Ногайлиева М.Х., Кубанов М.Б. Актуальные аспекты правового регулирования защиты персональных данных // Этносоциум 2023. № 11 (185). С. 107-108.

[5] Клычев Р.А., Манкиева А.В. Трансформация прав человека в цифровую эпоху: вызовы и перспективы // Юридическая наука. 2025. № 1. С. 20-21.

[6] Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 15.

[7] Грачева М.А. Защита персональных данных в эпоху цифровизации // Закон. 2023. № 2. С. 124.

[8] Сайт: https://www.echr.coe.int

[9] Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ N 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999), https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/

[10] GDPR переводится как Общий/Генеральный регламент по защите персональных данных. 25 мая 2018 г. во всех государствах-членах Европейского Союза был введен новый закон о защите персональных данных. То, что часто называют Общим регламентом о защите данных ЕС, на самом деле является серией директив ЕС: Регламент (EU) 2016/679; Директива (EU) 2016/680.

[11] СЗ РФ. 2006. № 31(ч. 1). Ст. 3451.

[12] СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). СТ. 3448.

[13] Понкин И.В. К вопросу о понятии и онтологии цифровых прав // Пермский юридический альманах. 2021. № 5. С. 340-352.

[14] Решетняк С.Р. Классификация цифровых прав // Вестник экспертного совета. 2021. № 1 (24). С. 96-106.

[15] Свою концепцию М. Хильдербрандт выстраивает на основе идей двух немецких философов, чьи работы имеют большое значение для изучения действия принципа верховенства закона в эпоху машинного интеллекта – биолога и философа-антрополога Гельмута Плеснера и философа права Густава Радбруха.

[16] Алферов О.Л. Хильдебрандт М. Искусственный интеллект в праве Европейского Союза. (Реф. ст.) HILDEBRANDT M. The Artificial intelligence of European Union law // German law journal. – 2020. – Vol. 21, N 1. – P. 74–79. (Article summary) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государа ство и право: Реферативный журнал. 2021.

[17] Hildebrandt M. Smart technologies and the end(s) of law: Novel entanglements of law and technology. – Cheltenham, UK ; Northampton, USA, 2015.

[18] Hildebrandt M. Smart technologies and the end(s) of law: Novel entanglements of law and technology. – Cheltenham, UK ; Northampton, USA, 2015. P. 77.

[19] Цит. по: Доброродний Д.Г. Проект философии информации Лучано Флориди // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. № 3. С. 18-22.

[20] Инфосфера (информация + сфера) — философская категория, обозначающая информационную сферу человеческого общества, аналогично биосфере, представляет собой про-

странство информации, данных, знаний и коммуникаций. Хотя основной средой инфосферы считается цифровое пространство, инфосфера не ограничивается чисто онлайновой средой, а включает как цифровую, так и аналоговую среды.

[21] Сайт: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/oct/28/regulate-ai-new-laws-code-of-ethics-technology-power?utm_source=chatgpt.com "To regulate AI we need new laws, not just a code of ethics"

[22] Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of AI* (Phil. Trans. Royal Society A, 2018); P. Nemitz & M. Pfeffer. The Human Imperative: Power, Freedom and Democracy in the Age of AI (2023).

[23] Бачило И.Л. «Информационное право - новая отрасль права РФ (методология, теория, практика)» // Государство и право. 2008. № 3. С. 85-92.

[24] Бачило И.Л. «Информационное право». Учебник. – М.: Юрайт, 2019. – С. 34.

[25] Копылов В.А. Информационное право. Учебник. – М., 2002. 362 с.

[26] См. выше: о инфосфере писал ранее Л. Флориди.

Spisok literatury:

[1] Golovistikova A.N., Grudcyna L.Yu. Prava cheloveka. Uchebnik. – M.: E`ksmo, 2006. 445 s.

[2] Sm., naprimer: Zharova A.K. Pravovaya zashhita intellektual`noj sobstvennosti v cifrovuyu e`poxu // Yurist. 2023. № 3. S. 34-42; Polyakova T.A. Transformaciya sistemy` informacionnogo prava v usloviyax cifrovizacii // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 5. S. 69-79; Talapina E`.V. E`volyuciya prav cheloveka v cifrovuyu e`poxu // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2023. № 3. S. 122–146.

[3] Kazakevich E.I., Gubin E.P. Zashhita prav i svobod cheloveka pri obrabotke personal`ny`x danny`x v period cifrovoj transformacii // Ural`skij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2022. № 4 (21). // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-isvobod-cheloveka-pri-obrabotke-personalnyh-dannyh-v-period-tsifrovoy-transformatsii (Data obrashheniya: 15.08.2025); Miraev A.G. Ponyatie personal`ny`x danny`x v Rossijskoj Federacii i Evropejskom soyuze // Yuridicheskaya nauka. 2019. № 5. // URL: https://cyberlenmka.m/artide/n/ponyatie-personalnyh-dannyh-v-rossiyskoy-federatsii-i-evropeyskom-soyuze (Data obrashheniya: 15.08.2025).

[4] Adzhieva Z.I., Nogajlieva M.X., Kubanov M.B. Aktual`ny`e aspekty` pravovogo regulirovaniya zashhity` personal`ny`x danny`x // E`tnosocium 2023. № 11 (185). S. 107-108.

[5] Kly`chev R.A., Mankieva A.V. Transformaciya prav cheloveka v cifrovuyu e`poxu: vy`zovy` i perspektivy` // Yuridicheskaya nauka. 2025. № 1. S. 20-21.

[6] Varlamova N.V. Cifrovy`e prava – novoe pokolenie prav cheloveka? // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2023. № 4. S. 15.

[7] Gracheva M.A. Zashhita personal`ny`x danny`x v e`poxu cifrovizacii // Zakon. 2023. № 2. S. 124.

[8] Sajt: https://www.echr.coe.int

[9] Konvenciya o zashhite fizicheskix licz pri avtomatizirovannoj obrabotke personal`ny`x danny`x (Zaklyuchena v g. Strasburge 28.01.1981) (vmeste s Popravkami k Konvencii o zashhite fizicheskix licz pri avtomatizirovannoj obrabotke personal`ny`x danny`x (SDSE N 108), pozvolyayushhimi prisoedinenie evropejskix soobshhestv, prinyaty`mi Komitetom Ministrov v Strasburge 15.06.1999), https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/

[10] GDPR perevoditsya kak Obshhij/General`ny`j reglament po zashhite personal`ny`x danny`x. 25 maya 2018 g. vo vsex gosudarstvax-chlenax Evropejskogo Soyuza by`l vveden novy`j zakon o zashhite personal`ny`x danny`x. To, chto chasto nazy`vayut Obshhim reglamentom o zashhite danny`x ES, na samom dele yavlyaetsya seriej direktiv ES: Reglament (EU) 2016/679; Direktiva (EU) 2016/680.

[11] SZ RF. 2006. № 31(ch. 1). St. 3451.

[12] SZ RF. 2006. № 31 (ch. 1). ST. 3448.

[13] Ponkin I.V. K voprosu o ponyatii i ontologii cifrovy`x prav // Permskij yuridicheskij al`manax. 2021. № 5. S. 340-352.

[14] Reshetnyak S.R. Klassifikaciya cifrovy`x prav // Vestnik e`kspertnogo soveta. 2021. № 1 (24). S. 96-106.

[15] Svoyu koncepciyu M. Xil`derbrandt vy`straivaet na osnove idej dvux nemeczkix filosofov, ch`i raboty` imeyut bol`shoe znachenie dlya izucheniya dejstviya principa verxovenstva zakona v e`poxu mashinnogo intellekta – biologa i filosofa-antropologa Gel`muta Plesnera i filosofa prava Gustava Radbruxa.

[16] Alferov O.L. Xil`debrandt M. Iskusstvenny`j intellekt v prave Evropejskogo Soyuza. (Ref. st.) HILDEBRANDT M. The Artificial intelligence of European Union law // German law journal. – 2020. – Vol. 21, N 1. – P. 74–79. (Article summary) // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativny`j zhurnal. 2021.

[17] Hildebrandt M. Smart technologies and the end(s) of law: Novel entanglements of law and technology. – Cheltenham, UK ; Northampton, USA, 2015.

[18] Hildebrandt M. Smart technologies and the end(s) of law: Novel entanglements of law and technology. – Cheltenham, UK ; Northampton, USA, 2015. P. 77.

[19] Cit. po: Dobrorodnij D.G. Proekt filosofii informacii Luchano Floridi // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. 2017. № 3. S. 18-22.

[20] Infosfera (informaciya + sfera) — filosofskaya kategoriya, oboznachayushhaya informacionnuyu sferu chelovecheskogo obshhestva, analogichno biosfere, predstavlyaet soboj prostranstvo informacii, danny`x, znanij i kommunikacij. Xotya osnovnoj sredoj infosfery` schitaetsya cifrovoe prostranstvo, infosfera ne ogranichivaetsya chisto onlajnovoj sredoj, a vklyuchaet kak cifrovuyu, tak i analogovuyu sredy`.

[21] Sajt: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/oct/28/regulate-ai-new-laws-code-of-ethics-technology-power?utm_source=chatgpt.com To regulate AI we need new laws, not just a code of ethics

[22] Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of AI* (Phil. Trans. Royal Society A, 2018); P. Nemitz & M. Pfeffer. The Human Imperative: Power, Freedom and Democracy in the Age of AI (2023).

[23] Bachilo I.L. «Informacionnoe pravo - novaya otrasl` prava RF (metodologiya, teoriya, praktika)» // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 3. S. 85-92.

[24] Bachilo I.L. «Informacionnoe pravo». Uchebnik. – M.: Yurajt, 2019. – S. 34.

[25] Kopy`lov V.A. Informacionnoe pravo. Uchebnik. – M., 2002. 362 s.

[26] Sm. vy`she: o infosfere pisal ranee L. Floridi.

